

портретные зарисовки, пейзажная лирика, философские медитации и просто поэтические наблюдения.

Сработав дудку из бересты,
Я рос подпаском в давний год.
А нынче — как все это просто! —
Пастух с транзистором идет.

«Пастух с транзистором» — это, по-моему, примечательная деталь. А сколько таких деталей, свежих, острых наблюдений рассыпано в книге! Нет, не убавляет интерес поэта к жизни, он весь в ее стихии, «Я на высокоом перевале, я вижу многое теперь!» — радостно признается он в одном из стихотворений, а в другом замечает с грустинкой, обращаясь к своему перу:

...Беспощадно мчится время — дней
мелькающая нить.
Мне хотелось бы с тобою много лет еще
дружить.
Я не все успел увидеть и не все достиг
душой,
Порох есть в пороховницах — ровно
на покой.

Труд в понимании поэта — источник бодрости и здоровья, лучшее лекарство от старости. И это, заметим, чисто народное представление о труде.

Поэзия Бровки своими корнями уходит в народную почву. Народность у него не только в художественной — во многом фольклоризованной — форме стихов, она в самом взгляде на вещи, на красоту родной земли, на историю. Она — в той заинтересованности и ответственности, которую поэт чувствует на каждом шагу:

Березу ножиком пырнул какой-то
живоглот.
Мне кажется, из-под коры моя слеза
течет.

От этой черствости людской болит душа
моя.
Над искалеченным дубком не ветер
стонет — я.

Такое заботливое, несколько «селянское» по форме отношение к миру точно отражает позицию поэта, его причастность к тому большому и малому, что происходит вокруг.

Бровка — поэт очень органичный. Поэзия для него является естественной формой проявления человеческой сущности, стихотворение — жизненным поступком, непосредственным откликом на событие, факт или душевным состоянием. При этом Бровка не прибегает к иносказаниям, скрытому подтексту, недомолвкам или намекам, а говорит обо всем, что его волнует, ясно, открыто и очень непринужденно, без напряжения.

По-человечески значительны, на мой взгляд, его свободные от навязчивой дидактичности советы молодежи:

Будь щедрым. Время не забудет
Хорошим словом помянуть
Того, кто сердце отдал людям,
Запомни это, щедрым будь.

Содержательность лирического характера Бровки с одинаковой силой проявляется в его публицистических стихах и в интимных. Его лирика чрезвычайно разнообразна, широк ее эмоциональный спектр.

В интимной поэзии Бровки есть раздумье над быстротечностью жизни и порожденное ими чувство грусти, сожаления. Да, они есть, и никуда от них не денешься.

Промчались дни, отгрохотали.
Их не вернешь. Идет зима.
И мы с тобой иными стали,
Какими — знаешь и сама.

Но все же побеждает жажда жизни, ощущение ее многоцветности и неувядающей силы. Вот в других стихах — почти по-мальчишески веселое настроение:

Хорошо в лесу зеленом
Под ольхою и под кленом.

До чего мне нынче люблю
И под дубом, и под дубом!

Тут, где все вокруг знакомо,
Я как дома, я как дома!

Многоцветен поэтический мир Бровки. Стихотворно и легко в нем дышится среди тихой прозрачной осени, являющей картину жизненного полнолетия поэта.

В. ГНИЛОМЕДОВ

ПРИЧАЩЕНИЕ В КРАСНОГЛИНКЕ

Вл. Тендряков. Апостольская командировка. «Наука и религия» № 8—10. 1969

В се в этой странной, диковато-необычной истории началось с ванной. Да, именно с нее: чистойшей, облицованной кафельной плиткой, блестящей никелем кранов и белизной ванны в новой двухкомнатной квартире. Ведь это ж мечта! Мечта для Юрия Рильникова, физика и журналиста, мыкавшегося с Ингой и их маленькой Танюшкой по чужим квартирам, комнатам и углам не год и не два. Это мечта осязаемая, натуральная, доступная взгляду, нежным касаниям руки, наконец, какому-то почти нравственному чувству: «На ванну нельзя было досыта насмотреться... Без единого острого угла, ласковая, успокаивающая — одухотворенный сосуд».

Что ж, теперь, когда позади «унизительная борьба за существование», заведующий отделом столичного научно-популярного журнала тридцатидвухлетний подающий надежды человек может спокойно осмотреться вокруг — «жизнь поставлена на рельсы». Так и полагал он сам, загадывая наперед о веселом семейном счастье.

об интересной работе, о собственной книге — этап листов на двадцать!.. Но жизнь порой подбрасывает нам под ноги камень, который оказывается знаменитым камнем преткновения.

Уют, благополучие, довольство, это ли не опора для дальнейшего движения. Нет, оказывается!.. Юрий Рыльников с обостренной мнительностью начинает воспринимать свой комфортабельный быт, ощущая в нем нечто застывающее: к чему стремиться дальше, если он все получил, чего жаждать, если в мелочной суетности достигнутого растворяется идея — главная идея бытия? Ты сыт, отграничен от мира четырьмя плоскостями своего современного саркофага, стало быть, нет тебе надобности испытывать сильные желания, отвыкаешь радоваться и огорчаться по-настоящему. Легко расценить это все, как нелепые причуды, непонятно для чего измышляемый софизм. Да и многие из тех, кому придется в дальнейшем столкнуться с Юрием, посмотрят на него, как на какое-то чудовище, как на «лошадь с рогами».

Мысли, слова, неожиданные и какие-то даже стремительные парадоксы Рыльникова — а о главном из них еще речь впереди — задевали не только действующих лиц повести «Апостольская командировка», тех, с кем Юрию в дальнейшем приходится столкнуться, но и вызвали ответную живую реакцию критики.

В частности, Ф. Левин, автор интересно развернутого выступления в «Литературной России», пристально взглянул на ведущий, основной мотив поведения героя повести. А мотив этот ясно обозначается в произведении В. Тендрякова.

«Ленива и необъятна Вселенная, где-то в этой чудовищно косной лени, в вялом застое, вспыхнула искорка, нет, не искорка, нечто столь незаметное по сравнению со вселенской ленью, что нельзя принимать в расчет, — моя жизнь. Из черного небытия каких-то тридцать два года тому назад выскочил тот, кого называли Юрием Андреевичем Рыльниковым, пройдет еще столько же — и снова черное небытие.

Я во Вселенной!

Я появился — свершившийся факт.

А для чего?

Мое «я», как и «я» миллиардов других, закончится жалким холмиком земли... В бескрайней Вселенной нет ничего бессмысленной меня».

Комментируя эти пессимистической страстью питаемые сомнения, этот абсолют духовного поиска, этот коварный и вечно роковой вопрос «Какая конечная цель? Каков смысл жизни?», Ф. Левин отмечает прежде всего неправомерность его постановки. Ведь «одно дело — причинность, цель причин и следствий, связей и взаимоотношений. Цели же могут ставить перед собой лишь сознательные существа. Как только вы ставите вопрос о конечной цели, предначертанной человечеству свыше, вы приходите к высшему существу, богу, как бы он в дальнейшем ни назывался..

А смысл жизни состоит в самой жизни, как данности».

Нельзя не отметить глубины постановки проблемы критиком; Юрий Рыльников действительно приходит к идее бога, повинуясь своей страсти усмотреть предустановленную гармонию во Вселенной, получить в ней покой для своего бессмертного «я». Но почему же все-таки вопрос его не правомерен?.. Конечно, совсем несложно установить известную логическую сумятицу в раздумьях героя. Категорическое требование конечной цели само по себе ошибочно. Да и «чья» эта цель? «Моя», «наша» или, может быть, самих богов определенная? Но дело все же не в этих логических системах. Бесплодно было бы намерение уличить Юрия Рыльникова в сознательном или бессознательном умножении софизмов; этому человеку важно не выстроить четкое умозаключение, он живет поиском духовным.

Весьма возможно, герой размышляет не очень точно. Но из всех его вариаций и формул выступает простое, непридуманное, естественное: «Для чего живу?» Тут исходное, истоки всего дальнейшего нравственного движения личности. Дальше это развитие получить ложную форму, но не принять отправного, начального — значит вообще снять с повести дня громадную духовную проблему. Надо понять, насколько глубоко и страстно душевное движение героя повести. И это понимает прекрасно В. Тендряков и так полно проникается этим умонастроением, что все повествование ведет от лица Юрия, никак не спешит осудить его, хотя противоречия его видит отчетливо и не мешая ему в дальнейшем прийти к самым невероятным заключениям и поступкам.

Духовная одиссея Рыльникова (дополненная одиссеей практической) начинается не вдруг. Вопрос, который подточил устойчивость его обиденного существования, принял поначалу форму протеста против власти вещи над миром личности. Но он разрастается, раздвигается, в нем все больше требовательности страсти поиска. Раздражение на семейную «пуговичную трагедию» еще чисто импульсивно, но презрение к самому себе, вспыхнувшее в Юрие после самоубийства Риточки из девятноста шестой квартиры, — это симптом посерьезнее. Легкомысленная модница, сменившая трех мужей; ее собирались судить общественным судом, и она просила у Юрия защиты.

«Любая вспышка разума — это вспышка всего мироздания. Убить человеческую жизнь — убить целый мир, не имеющий границ.

Как просто было бы спасти Риточку».

Так в повести появляется мотив спасения. Мысль о том, что можно было спасти другую душу, усиливает мучительные раздумья о собственной душе. Сомнения все гуще оплетают эту экзальтированную натуру; Юрий ищет выхода, ищет настоящего пути в жизни, его вопрос о смысле бытия перерастает в

тревожную, глухую, постоянно преследующую его душевную боль. Развивается такое гипертрофированное нравственное состояние, которое сам герой называет тяжелой и благородной болезнью. Начинается «апостольская командировка».

Читатели, которые представляют себе творческий путь В. Тендрякова, без труда восстановят в памяти некоторые из прежних его произведений, посвященных вере и верующим. Герои их — люди, в той или иной мере подавленные обстоятельствами, несчастные или ущербные создания. В тех вещах писателя религия предстает в своих простейших, зачастую угромо отталкивающих формах: над повествованием встает мрачная тень чудотворной иконы, требующая жертвы, уродующая жизнь мальчонке.

Неизмеримо более сложное задание намечено в «Апостольской командировке». Здесь перед нами портрет человека современного, молодого, высокого интеллектуального уровня. Рыльников приходит к вере, к богу, к жестокому желанию порвать с семьей и уехать в «никуда», в случайную, за сотни верст лежащую от Москвы Красноглинку; он приходит ко всему этому, подвергая сомнению возможности разума и современной науки. Вопрос о смысле жизни трансформируется мыслью героя, отвергает и определяется особым образом. Знания или вера? Что поможет изъяснить человеку смысл его существования, истину присутствия на земле этого крохотного «я», непрестанно падающего в пустоту? Юрий приходит к идее тщеты познания, ведь первопричина остается за пределами зрения науки. Есть как будто только мнения, догадки. Есть гипотеза образования Вселенной из «некоего единого куска холодной протоматерии, состоявшей в основном из нейтрино и антинейтрино», взорвавшегося однажды и разлетевшегося на множество осколков — галактик. Еще работая в своем журнале, Юрий берет интервью у известного физика-теоретика. Однако профессор мог сказать лишь о предположительной вероятности гипотезы и уж совсем отказывался объяснять, откуда взялся кусок этого «первичного теста». И герой делает отчаянный вывод: «Усилия ума плодят не столько знание, сколько незнание». И в таком случае, чем, собственно, хуже гипотеза о сотворении мира в шесть дней с помощью господ бога? Недостает здесь лишь малости: надобно только поверить этому.

Рассуждения эти все же несколько отдают схоластикой. Подобные доводы рождает не сердце, а холодный рассудок. Пожалуй, писатель погрешил тут против художественной точности, поспешая показать эволюцию героя, стремясь новую ее фазу закрепить побыстрее жесткой и, так сказать, надежной логической скрепой. И все-таки сущность характера и здесь схвачена верно. Всего ближе к художественной истине В. Тендряков там, где передает тонкую взаимосвязь сферы нравственной с областью широких, абстрактных понятий.

Казалось бы, как может волновать человека — и так сильно, непрестанно, лично — проблема происхождения Вселенной, чисто физические аспекты ее существования? Но всем строем своего повествования писатель убеждает: может!.. Юрию Рыльникову, натуре нервной, с развитым воображением, этот самый «кусок первичного теста» видится почти воочию...

И все-таки наше сочувственное понимание духовного поиска Рыльникова находит свои пределы. Сочувствие к нему достаточно полно, пока речь идет о в о п р о с е, о поиске, но оно заметно спадает, когда выясняются некоторые детали его дальнейшего поведения и мироощущения. Когда, собственно, определяется самая суть его личности.

Село Красноглинка оказывается тем местом, где новые взгляды Юрия подвергаются жестокому практическому и теоретическому испытанию. У него находятся странные единомышленники, вроде мальчишного отца Володимира, который как раз способствует разрушению начавшей складываться системы убеждений, и прямые враги, вроде председателя сельсовета Ушаткова, действующего методом административной «дубины» и тем только подчеркивающего «святость» духовного облика Юрия. В Красноглинке Рыльников работает землекопом, в поте лица добывая хлеб насущный; здесь уже не в отвлеченном его замысле, а на самом деле начинается как будто спасение... Но общение с людьми, для которых жизнь не шутка и не игра, но тяжелая и суровая деятельность, с людьми разными — дурными и хорошими, умными и глупыми — стимулирует отчасти незаметно для самого героя к движению то противоречие, которое заложено было давно, которое мучило и разрывало его уже в Москве. Казалось бы, отброшена «негреющая наука», предано анафеме знание и принята для нравственного руководства вера. Перед глазами все время Библия — перед глазами новая жизнь. Мудрость священных книги проверяется практикой, непрестанным размышлением... Христос учил: «Блаженны нищие духом, ибо их есть царство небесное». Мысль Юрия беспрестанно обращается к этой знаменитой формуле, кружит около, запинается о нее. И опять Юрий не может избавиться ни от сомнений — первой черты интеллектуализма, ни от магической власти знания ни от навыков пытливой умственной работы. Как ни воспален его мозг, он не может принять на веру очевидные, с его точки зрения, нелепости Книги книг. Вот батюшка Володимир, «отец-парнишка», так жалобно верующий, так насадно надеющийся (В. Тендряков чуть шаржирует этот образ), батюшка Володимир берет все в святом писании, до последней буковки. Для него сомнения — проявление дьявольской силы. Между ним и Юрием происходит по этому поводу примечательный спор:

« — Неужели богу интересней иметь дело с безмозглыми дураками? — А вы забываете, что Христос сказал:

«Блаженны нищие духом, ибо их есть царство небесное?»

— Это звучит для меня как оскорбление Христа. Выходит, он настолько неуверен в себе, что предпочитает блаженных и юридических нормальным людям, бессмыслицу — мысли.

— Но ведь это же вопиюще! Вы, оказывается, неверующий!»

И это суждение не лишено резона. Юрий все время раздумывает, сопоставляет, анализирует. Сестра Анна с категорической резкостью зачисляет нашего героя в ряды «книжников и фарисеев». Нищие духом... Чуждо это Юрию, невнятно душе его. По той же манере все анализировать он не умеет принять и это самое «Блаженны...», равно как и Христово «Погублю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну». Но ведь эти два высказывания закрепляют своей жестоко-парадоксальной формой один из самых важных заветов христианства: «Если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в царство небесное». Это целостная система, которую или принять или не принять... Детское, незамутненное сознание, табула раза, на которой выписываются огромные буквы веры, — вот суть учения, которое как раз и не открыто столь изощренному в умственном наблюдении Рыльникову. Юрий не может принять его и по соображениям нравственным, идейным. Ведь люди, провозгласившие в еру единственным знаменем своей жизни, в руках лютого авторитета служат податливым воском. С ними Рыльникову не по пути.

В повести В. Тендрякова развернут интересный образ председателя колхоза Густерина. Историк по образованию, человек, умудренный жизнью, Густерин выступает в роли оппонента Рыльникова. Юрий для него не просто «лошадь с рогами», но феномен и личность. Для него этот молодой мыслящий человек даже нужен практически: само присутствие его могло бы «раскачать, взорвать» застойность и консерватизм в умах людей. В будущих своих планах председатель колхоза, как человек рачительный, отводит Юрию роль своеобразного общественного фермента. Густерин не боится и философского спора с Рыльниковым, напротив, смело идет к этой дискуссии. В споре с Рыльниковым Густерин высказывает ряд веских соображений, немало способствующих нравственному излечению молодого человека. Но в прямом смысле образцом для Юрия он стать все же не сможет. Он сам противоречив и не получает от писателя права на высший идейный суд.

Повесть В. Тендрякова завершается тем, что герой ее возвращается в Москву, к семье, к прежнему как будто образу жизни. Снова коуто развернулась жизненная

дорога Юрия. Разочарование в истине Христовой, неумение найти живой контакт с людьми Красноглинки, наконец, письмо от Инги — негодующее, полное открытого презрения к сбежавшему мужу и отцу. «Еще вчера я судорожно хватался за рассыпавшегося бога, жаждал веры... За ночь я пришел к выводу: любая вера — глупость. А в наш сложный век глупость уже не просто изъян, сегодня глупость безнравственна!..»

Сейчас сильнее, чем многое другое, определяет решение Юрия память сердца — память о любящей и любимой, несмотря ни на что, Инге, о веселой дочурке Танюшке. И это никак не частности. С помощью веры думал найти Юрий дорогу к людским душам, но антигуманистичность этой, с ее безапелляционной властью, религиозной идеи его отвращает. Он шел к высшей нравственности, а достиг тупика безнравственности. В этом смысле путь его исканий исчерпал себя, герою нужен иной путь. Однако же семейный уют и любовь к семье, надо полагать, для Юрия не окажутся окончательной целью его стремлений. Ведь чему-то во время своей командировки он научился. Если окончательный итог его поездки оказался бесплодным, то душевные силы, поиском пробужденные, развились, обогатились, развернулись. В герое воспитывается духовная прозорливость, которая не позволяет ему замкнуться в узком круге «малых дел», изъятых из сферы значительных общественных интересов.

В критике высказывалось мнение, что финал повести В. Тендрякова мотивирован слабо, что возвращение героя в Москву объясняется лишь причинами житейскими, но не нравственными и идейными. Нет, и злечение героя наступает не по прихоти автора. Приходит оно, пожалуй, несколько быстрее, чем можно было ожидать «по условиям» широко и сложно поставленной в повести проблемы, но не назывешь его и искусственным, натянутым лишь для «итога». Чисто эмоциональное побуждение оказывается решающим в философском споре с самим собой. Но, во-первых, эмоциональное никогда не отторгнуто от идейного (что это такое — бесчувственная личностная идея?). А во-вторых... Отказаться от истины Христа для Рыльникова было тем легче, что настоящей истиной она для него так и не стала. К половинчатому идеализму пришел половинчатый материалист. Наш герой всегда был между двумя этими системами и всегда был негибок. Он не был, говоря словами апокалипсиса, «ни холоден, ни горяч», но «тепл». Он был двойствен, неопределен, смутен, но, будем надеяться, опыт его духовных исканий не окажется для него бесплодным. В этом — основной итог серьезной творческой работы Владимира Тендрякова.

Л. АНТОПОЛЬСКИЙ